

ГЛАВА 17

Настоящее воздвижение истины

Константинополь должен быть наш, говорит Достоевский, разумеется, не для захвата и не для насилия, но с единственной целью, чтобы купола Святой Софии вновь увенчались крестами, а истина Христова воссияла на весь мир. И «это будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющейся на Востоке, настоящее новое воздвижение креста Христова и окончательное слово православия, во главе которого давно уже стоит Россия».

Вникнем в эти слова. Первое что бросается в глаза, это провозглашённое писателем «окончательное слово православия». Не могу понять смысла этой фразы. Православие не всё сказало и должно сказать что-то окончательное? Но что православие может сказать кроме Евангелия? Православие это Богооткровенная истина, в которой ни добавить, ни убавить ничего нельзя. Напротив, сохранить данное откровение в полноте – вот окончательное слово православия. Или Ф.М. имеет в виду не теорию, но практику православия и хочет сказать, что православные ещё не всё в этой жизни сделали? Но что православным людям нужно сделать кроме своего спасения? Других спасти? «Стяжи дух мирен, и вокруг тебя спасутся тысячи», - сказал Преподобный Серафим всем ревнителям чужого спасения. В этом странном выражении Достоевского об окончательном слове сокрыто, как мне кажется, такое представление о православии, которое я не могу определить иначе как лозунгом: даешь окончательное слово православия! Или лучше словами маски Достоевского по фамилии Шатов: «Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России...» (*)

(*) Ф.М.Достоевский. Бесы. Часть 2, глава 1, VII.

Не менее странно читать слова писателя о том, что во главе православия стоит Россия. Во главе Православия стоит Христос. Словами же о России как главе православия Достоевский в очередной раз являет нам свою церковную неосведомлённость. Можно, конечно, назвать замеченные мною огрехи в статье Достоевского мелочными придирками. Те, кто пишут, знают, что ни одно сочинение не свободно от разного рода неточностей, и желающий всегда найдёт, к чему прицепиться. Зато какова высота мысли! Орлиный полёт! Дух захватывает. Почему бы нам на эту высоту не посмотреть?

Что ж, давайте посмотрим на высоту этих слов и ужаснёмся. Чему же? Страшному пророчеству. Да, да, эти слова Достоевского самые что ни на есть пророческие, только исполнились они совсем не так, как мечталось Федору Михайловичу в его литературных грёзах. Он пишет: «это будет настоящее воздвижение Христовой истины, сохраняющейся на Востоке, настоящее новое воздвижение креста Христова...» Для чего здесь стоит слово «настоящее», причём дважды? Разве бывает ненастоящее воздвижение Христовой истины? Или бывает ненастоящее воздвижение креста Христова? Неужели чуткий слух великого художника слова не улавливал нелепости таких выражений?

«Писатель, - скажут мне, - хотел подчеркнуть небывалость предстоящего события, и от избытка чувств не стал подробно пояснять свою мысль, но сказал кратко: «настоящее». Нынче в этом смысле говорят слово «реальное».

Реальное воздвижение креста Христова? Не прошло и полвека, как слова Достоевского сбылись буквально. Воздвижение креста было самым настоящим, потому что воздвигался он не на куполе святой Софии, но у стен Киево-Печерской Лавры, в подвале ипатьевского дома, в концлагере на Соловках, по всем городам и весям российской земли. «Окончательное слово православия» произнесла Россия, установив крест не в Константинополе, но в самой себе, не позолоченный и всехвальный, не торжественный и ликовствующий, но настоящий, мучительный, позорный, воздвигаемый под брань и стоны, обгаряемый кровью христиан, т.е. Христовою кровью крест.

Достоевский предсказал крест, но не там и не такой. Предсказав крест в Константинополе, он воздвиг его в России. Предсказав крест могущественный, он укрепил крест мученический. Предсказав крест величия и славы, он вознёс крест унижения и смирения. Но это и есть настоящий крест Христов.

Может ли случиться так, чтобы человек сказал одно, а из сказанного вышло нечто внешне похожее, но по сути гораздо большее? Может ли пророчество быть произнесено помимо воли произнёсшего его? Задумавшись над этим вопросом, я стал искать в Священном Писании пример пророчества, которое было изречено без понимания его значимости, и нашёл. Это пророчество Каиафы. *Один же из них, некто Каиафа, будучи на тот год первосвященником, сказал им: вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб. Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисус умрет за народ, и не только за народ, но чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино (Ин.11:49-52).*

«Как! - воскликнет читатель. - Сравнить Достоевского с Каиафой?! Это уже ни в какие ворота не лезет».

Любезный читатель, не спешите метать одежды и бросать пыль на воздух (ср.Деян.22:23). Дочитайте до конца. Поймите, какая невероятно сложная задача перед нами стоит: изгнать из писателя Достоевского достоевщину и посадить его, *оболчена и смысляща* (Мк.5:15), у ног Христовых. Нам нужно сохранить (не для нас, верующих, но для внешних, ибо зачем нам Достоевский, когда с нами Христос? *Се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века. Аминь* Мф.28:20), нужно сохранить великого русского писателя, сказав при этом, что *дух пытлив* (Деян.16:16), которым он обладал, не был духом Христовым

Но как можно, спросите вы, свидетельствовать о Христе, не имея Христова духа? Пример такого свидетельства описан в книге Деяний. *Случилось, что, когда мы шли в молитвенный дом, встретила нас одна служанка, одержимая духом прорицательным, которая через прорицание доставляла большой доход господам своим. Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения (Деян.16:16,17).*

Пророческий дар Достоевского лучше, конечно, назвать прорицательным даром, или духом пытливым (*), как он назван в церковно-славянском переводе. И вообще, хорошо бы нам слова «пророк», «пророческий» оставить в покое, чтобы не унижать их смысла. Ветхозаветные пророки возвещали сообщенное им Божие откровение о Его пришествии на землю, но теперь, когда оно совершилось, о чём ещё пророчествовать? Что возвещать? Всё сказано и возвещено. О втором Его пришествии? Но о нём Господь подробно поведал в Евангелии и в Апокалипсисе. Поэтому оставим имя пророка истинным пророкам, а предсказателей будем называть предсказателями. Их много не только среди писателей. В газете бесплатных объявлений указаны номера их телефонов.

(*) В греческом тексте: «пневма **Пи**фонос», дух Пифона, Пифийского змия, Пифийского божества, способность прорицания, прозрения того, что скрыто от обыкновенных людей, и предсказания будущего» (Толковая Библия Лопухина). «Пифо – собственное имя города, иначе называемого Дельфами и посвященного Аполлону» (Редакторское пояснение к Творениям Златоуста). «Пифон – в греческой мифологии чудовищный змей, порождение богини Геи, убитый Аполлоном, получившим после этого прозвище Аполлон Пифийский» (Большой Энциклопедический словарь).

Ф.М.Достоевский несомненно обладал прорицательным даром. В «Братьях Карамазовых» есть глава «Тлетворный дух». Удивительно, но кончина преподобного Амвросия Оптинского сопровождалась описанными в этой главе событиями. Сопоставьте год написания романа (1881) с годом преставления Старца (1891) и согласитесь, что Достоевский мог кое-что предсказывать, но на вопрос о том, Божией ли силой он это делал, я отвечаю: нет, не Божией.

Вам нужны доказательства, читатель? Я приводил их при разборе «Пушкинской речи» и ещё, даст Бог, приведу при разборе «Утопического понимания истории». Что же касается художественных произведений писателя, то не будем их касаться. Скажем лишь, что по некоторым из них, например, по роману «Бесы» можно сделать вывод, что Достоевский предвосхитил грядущую русскую революцию, поскольку подробно описал её приёмы. Но этот вывод ошибочный.

Достоевский менее всего интересовался революционерами и революционной борьбой. Зачем же он к ним обратился? Тема создания и распространения в некоем городе тайного общества была для Достоевского тем земным материалом (помните, мы говорили о небесных печатях и земных оттисках?), на котором он рассматривал гораздо более важный вопрос, чем русская революция (о которой, надо сказать, Достоевский имел суждение ещё более туманное, чем о Константинополе, т.е. слышал звон, да не понял, откуда он). Нет, не революция и революционеры интересовали Достоевского в романе «Бесы». А что же?

Когда писатель хочет рассказать о вымышленном человеке, то называет придуманную им историю либо «Евгений Онегин», либо «Анна Каренина», либо «Мадам Бовари», говоря при этом, что он и есть мадам Бовари. А когда писатель даёт своему сочинению название «Бесы», то о ком он хочет рассказать? Именно бесы интересовали Достоевского в его одноимённом сочинении, и неужели это неочевидно? Неужели надо доказывать, что роман «Бесы» рассказывает о бесах? Но зачем и почему бесы заинтересовали писателя? Их, кстати, исчерпывающе охарактеризовал Апостол Павел, говоря, что *они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы* (Рим.1:29-31). Почему эти отвратительные существа привлекли внимание писателя, и он стал их описывать? Мне кажется, что не писатель заинтересовался бесами, а бесы заинтересовались им. Мне кажется, что не Достоевский, но бесы через Достоевского хотели нечто для себя узнать.

«Что и у кого узнать?»

У Бога, у Тихона (*), у читателей.

«Что же узнать?»

Да то же, что и мы, люди, хотим узнать: не пришла ли пора платить по вечным счетам?
«О, это и вправду интересно. И что же они узнали?»

Узнали то, что, если можно писать «Бесов», и они терпят Бога и принимаются людьми, значит, им можно и в действительной жизни совершать то, что вымышлено в книге. Романом «Бесы», как и другими своими сочинениями, Достоевский не только не помешал русской революции, но много способствовал ей, выпустив бесов из мира виртуального в мир реальный, или настоящий мир. (**)

(*) «У Тихона». Так называется глава романа, рассказывающая о беседе Ставрогина с архиереем Тихоном». Она была набрана для журнала «Русский Вестник», но, как свидетельствует Н.Страхов, «одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Достоевский здесь ее читал многим» (письмо Страхова к Л.Толстому от 28 ноября 1883 г.). Под «сценой из Ставрогина» имеется в виду описание растления и самоубийства отроковицы Матрёши.

(**) «Как же это он их выпустил?» - задали вопрос автору. Точно так, как выпускаются бесы из телевизора.

Главная цель литературы

Вопрос о том, можно ли спастись, не отвергая Христа, но и не принимая Его как единственную ценность в жизни, я бы назвал главным вопросом мировой литературы.

«Почему же только литературы? Это острый вопрос всей жизни. Нынче очень актуальный» - заметили автору читатели.

Вот я и говорю, что всей жизни. Просто все жизненные вопросы, прежде чем быть решёнными на практике, осмысляются и обсуждаются в теории, т.е. в литературе, культуре и иных сферах умственной деятельности человека. Во всю свою жизнь мировая христианская литература в лучших своих сочинениях тем и занималась, что искала последнюю черту, до которой можно дойти, но, не переступив которую, можно рассчитывать на спасение. Как понять эти слова? Пояснительный пример возьмём из книги Бытия.

Патриарх Авраам молил Бога: *вот, я решился говорить Владыке, я, прах и пепел: может быть, до пятидесяти праведников неостанет пяти, неужели за недостатком пяти Ты истребишь весь город? Он сказал: не истреблю, если найду там сорок пять. Авраам продолжал говорить с Ним и сказал: может быть, найдется там сорок? Он сказал: не сделаю того и ради сорока. И сказал Авраам: да не прогневается Владыка, что я буду говорить: может быть, найдется там тридцать? Он сказал: не сделаю, если найдется там тридцать.* (Быт.18:27-30).

Литература идёт от обратного и спрашивает как бы так: одного праведника хватит, чтобы пощадить Содом? Не хватит? Тогда двух? Тоже не хватит? Тогда трёх? Спрашивает, желая получить спасение не по восхождению к Богу, но по снисхождению от Него. Просит не столько о спасении, сколько о ненаказании, просит затем, чтобы услышав самое малое число праведников, достаточных для спасения грешников, успокоиться.

Конечно, никто: ни праведник, ни священник, ни церковь литературу не отвергает и отвергнуть не сможет, потому что она тоже хотела бы пребывать с Богом неразлучно. Но как хотела бы? Да так, чтобы быть ей при Нём в стороне, т.е. с Богом и в тоже время без Бога, чтобы не всё время взирать на крест, но поглядывать краем глаза и в противоположную от

креста сторону, т.е. в адскую бездну, продолжая хранить (лучше сказать, культивировать, чтобы вспомнить слово «культура») в себе порочное влечение к запретному, и продолжая оборачиваться и жадно ловить в себя тот бесовский крючок (мысленный прилог), с которого начинается грех действием.

Обозрим библиотеку всемирной литературы (БВЛ – так называлась издававшаяся в советское время серия книг) и спросим: что делала литература с каждым новым веком христианской истории? Прокладывала дорогу к Богу? Училась любить и слушать Его? Ничуть, но отступала от Христа и спрашивала как бы так: сюда можно? А здесь я не погибну?

Ну, что Мне с тобой делать? Не заставляй же Мне Себя любить? Отступай. Проходит время, и литература опять за своё: а сюда можно? А ещё дальше можно?

Бесы и те, кто толкают литературу впереди себя, знают, что делают. Если Господь терпит мысленный грех, рассуждают они, значит, Он может простить такой же грех, совершённый на деле. Грех мысленный, грех действительный, грех за грехом, шаг за шагом от Креста.

«Да не в литературе это все происходит, а в жизни, которая течет туда, куда ей предсказано», - слышится голос читателя.

Но предваряет и готовит всё литература. Как преступление отдельного человека прежде чем быть совершённым на деле, должно обдуматься им в голове, точно так преступления всего человечества готовятся и воображаются всемирной литературой. Эпоха возрождения, эпоха просвещения, эпоха постмодернизма. Что дальше? Что принесёт нам телевизионная эпоха, научающая миллиарды людей соглашаться с любым виртуальным грехом?

А что она может принести? Рано или поздно, но скорее рано, чем поздно, случится то, что на всей земле не останется и тех десяти праведников, назвав которых Господь отступил от Авраама. *Авраам сказал: да не прогневается Владыка, что я скажу еще однажды: может быть, найдется там десять? Он сказал: не истреблю ради десяти. И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом; Авраам же возвратился в свое место (Быт.18:32,33). Содом был сожжён. И встал Авраам рано утром [и пошел] на место, где стоял пред лицом Господа, и посмотрел к Содому и Гоморре и на все пространство окрестности и увидел: вот, дым поднимается с земли, как дым из печи (Быт.19:27,28).*

Последняя черта спасения, которую ищет литература, будет одновременно первой чертой гибели. И, конечно, она будет проведена в уме. Последнее грехопадение, как и первое грехопадение, будет мысленным, т.е. совершенным в уме. Помните, мы разбирали первое грехопадение человека и пришли к выводу, что оно прежде всего совершилось в уме Евы. Так же и последний, исполняющий чашу Божьего долготерпения, человеческий грех будет совершён в образе, т.е. образно. Поклонившись образу сына гибели *аки богу (2Фес.2:4)*, тварь совершит свой последний поклон. Поклонившись образу человека беззакония, твари не нужно будет кланяться ему самому, да и некогда ей уже будет кланяться. *И се, восхождаше пламень от земли, аки дым пещный (Быт.19:28).*

Телевизор как правопреемник литературы, принимая на себя её задачи, стремительно приближает день, когда на всей земле не останется и десяти праведников. Проникнув в каждую семью, телевизор планомерно губит в людских душах все несогласные с ним мысли и чувства. Мало того. Помимо внутреннего уничтожения праведности телевизор готовит внешнее её уничтожение, готовит тиранию, которая во столько раз будет страшнее культа личности, во сколько раз телевизор свободолюбивее Пушкина. (*)

Связь телевизора с тиранией очевидна: что посеешь, то и пожнёшь. Посеешь ветер в уме, пожнёшь бурю в жизни. Посеешь грех мысленный, пожнёшь действительное беззаконие и

смерть. «Праведность выше жизни, так как она – корень жизни», - говорит Святитель Иоанн Златоуст (т.9, с.619). Вырывая праведность из жизни, телевизор замахивается на самую жизнь. Бия праведников виртуально, телевизор готовит им настоящие ссылки, концлагерь и смерть.

Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно (Мф.6:22,23). А если в око телевизор? Если в глазах человека мерцает включенный телевизор, то каким будет его тело? Оно будет телевизором.

Читатель, если вы согласны со мной, что телевизор открыл окно в ад, то согласитесь, что приоткрыла его литература. Великая русская литература приоткрыла окно в бездну (ср.Откр.20:1-3), которое теперь распахнуто настезь могущественным телевизором так, что уже не «Бесы», но сам сатана вылазит через него, чтобы прежде занять умы и сердца людей, а затем и в храме Божиим сесть *как бог, выдавая себя за бога* (2Фесс.2:4).

(*) «Свободолюбивая лирика Пушкина» – откуда в моей голове это выражение? Не иначе, как из школьных или институтских экзаменационных билетов по литературе.

Провалившаяся кочка, или Роман-телевизор

Но вернёмся к Достоевскому, автору «Бесов» (*) и великому мыслителю России, обещавшему ей Золотой Рог и Константинополь (**), объединение вокруг неё славянства, а затем и всего мира на идеалах, которые она ему покажет. И она их показала. Почти весь 20-й век Россия показывала миру невиданные им идеалы.

Насмешкой горькой обманутого сына над промотавшимся отцом звучит последнее предложение. Что ж, можно сказать и так. Только надо уточнить, что отец не промотался, отец обманулся, а ещё точнее: отец был обманут. Россия и вправду показала миру идеалы только не так, как о том мечтал обманутый бесами Достоевский. И предсказание об идеалах есть очередное, сбывшееся наоборот предсказание Федора Михайловича. Впрочем, всё по порядку. Какие идеалы провозглашал Ф.М.?

«Таким образом, через реформу Петра произошло расширение *прежней* же нашей идеи, русской московской идеи, получилось умножившееся и усиленное понимание ее: мы сознали тем самым всемирное назначение наше, личность и роль нашу в человечестве, и не могли не сознать, что назначение и роль эта не похожи на таковые же у других народов, ибо там каждая народная личность живет единственно для себя и в себя, а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что всё это ведет к окончательному единению человечества. Кто хочет быть выше всех в царствии божиим - стань всем слугой. Вот как я понимаю русское предназначение *в его идеале*». (Везде курсив Достоевского, - Г.С.).

Мы приводили эти слова Федора Михайловича в начале 13-ой главы, назвав их программой антихриста. Но что же в них антихристианского, если основная их мысль – «кто хочет быть выше всех в царствии Божиим - стань всем слугой», – это почти дословное изречение Христа: *но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом* (Мк.10:43,44)? Антихристианское в словах Достоевского о русском предназначении то, что основная их мысль хотя и взята из Евангелия, но вырвана из контекста. Слова Евангелия

взяты Достоевским отдельно от смысла Евангелия, и такой способ цитирования Священного Писания называется в церкви ересью. (***)

(*) Роман «Бесы» написан от лица некоего рассказчика, и этот рассказчик принадлежит к числу заговорщиков, т.е. к стае «Бесов», о чём курсивом сказано в последней главе романа. «Выяснилось существование Шатово-Кирилловского тайного общества, связанного с прокламациями. Кто же были эти товарищи? *О наших* ни об одном в тот день и мысли еще не было». Выделяя курсивом слово «наши», Достоевский, видимо, подчёркивает ту мысль, что Шатов и Кириллов – не наши. И несколькими абзацами ниже Достоевский пишет. «Повторяю, дело это еще не кончено. Теперь, три месяца спустя, общество *наше* (это уже выделено мной, а не Достоевским, - Г.С.) отдохнуло, оправилось, отгулялось, имеет собственное мнение и до того, что даже самого Петра Степановича иные считают чуть не за гения, по крайней мере "с гениальными способностями". "Организация-с!" говорят в клубе, подымая палец кверху. Впрочем всё это очень невинно, да и немногие говорят-то».

(**) «Почему же всю эту ерунду про Константинополь мое сердце никогда не вмняло Достоевскому? И Золотой Рог мне никогда не становился нужен после чтения его книг, а только острее и глубже виделся человек. Ну-тка, напишите мне в ответ гадостей!» - спросил автора читатель. Что же, просите – получайте. Вы говорите, что Золотого Рога в творчестве Достоевского никогда не видели, а я, такой-сякой, на него всё своё внимание обратил. Вот и я говорю, удивительно дело, что 50-ть ленинских томов десятками лет стояли в библиотеках, и никто не видел в них сатанинского, хотя все они до краёв наполнены рогами и копытами.

(***) Слово «ересь» происходит от греческого «ерео»: выбираю, избираю, предпочитаю.

Тогда подошли к Нему сыновья Зеведеевы Иаков и Иоанн и сказали: Учитель! мы желаем, чтобы Ты сделал нам, о чем попросим. Он сказал им: что хотите, чтобы Я сделал вам? Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь? Они отвечали: можем. Иисус же сказал им: чашу, которую Я пью, будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься; а дать - не от Меня зависит, но кому уготовано. И, услышав, десять начали негодовать на Иакова и Иоанна. Иисус же, подозвав их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих (Мк.10:35-45).

«Кто хочет быть выше всех в царствии Божиим - стань всем слугой», - якобы цитирует Евангелие Достоевский. Но это не цитирование, это именно еретическое вырывание слов, потому что главное – чаша и крещение – оставлены им в стороне. Более того, Достоевский прямо искажает слова Господа, ибо *сесть у Меня по правую сторону и по левую* (это и значит, говоря словами Достоевского, «быть выше всех в царствии Божиим»), *не от Меня зависит, но кому уготовано*. Достоевский же говорит другое, а именно, что желающий быть выше всех в царствии Божиим должен стать всем слугой. Достоевский ставит в зависимость от человека то, что зависит от Бога: *кому уготовано*. Иными словами, он подчиняет Божественное земному, т.е. рассуждает согласно католической ереси.

Взяв из Мк.10:35-45 слова о земном служении и о царстве Божиим, Достоевский смешал то и другое. Христовы слова: *кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою* не являются условием достижения Царствия Божия, и тем более не обещают наивысшего положения в нём, как о том говорит Достоевский. Евангельский стих Мк.10:43 о служении это обязательный урок для тех, *кто хочет быть большим*. Хочешь быть *большим*? Будь слугой. Тебя терзают мысли о первенстве? Твоё сердце мучит страсть любоначалаия? Ты спишь и видишь себя главным? Стань слугой. Христовы слова Мк.10:43 о служении есть то училище благочестия, или лучше сказать, то земное поприще борьбы со страстями, которое необходимо пройти каждому верующему человеку для стяжания Небесного Царства. Но проходить это поприще с мыслью о будущем главенстве как о награде, значит, ничему спасительному не научиться, значит вырастить в себе то, что должно быть искоренено.

«Где же у Достоевского сказано про награду?»

Как где? А разве его слова «быть выше всех в царствии Божиим» не являются словами о награде? Разве условие «стань всем слугою» не подчинено цели – «быть выше всех в царствии Божиим»? Вот и спросим, теперь уже мы спросим у читателя: разве можно так небрежно обращаться с драгоценнейшими смыслами Евангелия? Разве позволительно так вольно переключать слова о нашем спасении? И то ещё удивляет в рассматриваемом нами отрывке, что сказав о второстепенном, Достоевский обошёл молчанием главное. Что именно? *Они сказали Ему: дай нам сесть у Тебя, одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей. Но Иисус сказал им: не знаете, чего просите. Можете ли пить чашу, которую Я пью, и креститься крещением, которым Я крещусь?*

Напомним, что пишет Достоевский: «Кто хочет быть выше всех в царствии Божиим - стань всем слугой». Вы видите громадную разницу между тем, что говорит Христос и тем, что сказал Достоевский? Видите недостижимую высоту Евангелия и писательскую приземлённость Достоевского? «Стань всем слугой». Да хоть сейчас им стану, ведь в награду обещано «быть выше всех в царствии Божиим». Но об условии достижения Царствия Божия Господь говорит совсем иное: *можете ли пить чашу, которую Я пью?* Не о служении, но о распятии как о необходимом пути в Небесное Царство, говорит Господь, и быть там «выше всех», как говорит Достоевский, не обещает даже тому, кто готов испить Его чашу, потому что: *дать - не от Меня зависит, но кому уготовано.*

Итак, мы видим, что слова Господа и слова Достоевского несопоставимы. И высота Христовых слов есть тот заоблачный идеал, который должен иметь перед собой, не скажем, русский, скажем – каждый православный христианин. Но зачем понадобилось Достоевскому подменять Евангельскую гору литературной кочкой, причём такой, что всякий наступающий на неё, проваливается в болото? Скажем сразу, что никакого злого умысла в намерениях Достоевского мы искать не будем. Не потому что его там нет. Злой умысел есть, он заключён уже в самом искажении слов Христовых. Но мы не будем искать его целей и подоплёки, потому что ничего осмысленного в сочинениях Достоевского найти невозможно. Это заявление покажется удивительным, но это так: ничего связного в произведениях Достоевского нет.

Три цитаты из романа «Бесы» были приведены нами выше: о сладострастном секретном обществе, о Христе и истине, о православии и России – и все они взяты из разговора Шатова и Ставрогина, т.е. из одной только 15-страничной подглавки романа «Бесы». А если бы мы взяли в рассмотрение весь роман? Что было бы с нами, если бы мы взяли анализировать

каждую строку «Бесов»? Боюсь подумать об этом, потому что ураган мыслей и чувств, обрушиваемый на головы читателей со страниц романа, смёл бы нас.

Мы попытались разобраться только в двух цитатах, и увидели, какое там месиво смыслов и какая там круговерть слов. А ведь таких цитат в разговоре Ставрогина и Шатова можно выловить не один десяток. Взять, например, высказывания Шатова о полу-науке: «Никогда разум не в силах был определить зло и добро, или даже отделить зло от добра, хотя приблизительно; напротив, всегда позорно и жалко смешивал; наука же давала разрешения кулачные. В особенности этим отличалась полунаука, самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны, не известный до нынешнего столетия. Полунаука - это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, пред которым всё преклонилось с любовью и суеверием, до сих пор немыслимым, пред которым трепещет даже сама наука и постыдно потакает ему». Ведь этим мыслям цены нет. Или другая речь Шатова – о назначении народов и о «народе-богоносце». Это же неисчерпаемый кладёзь для размышлений. Но в том-то и дело, что начни мы разбирать эту речь, и я уверен, что никакого смысла мы в ней не найдём, только потратим время на вычерпывание неизвестно чего, потому что кладёзь этот буквально неисчерпаемый, т.е. бездонный, потому что кладёзь этот – кладёзь бездны, т.е. без-дна.

Повторяю, что эти цитаты взяты из одного только подзаголовка романа «Бесы». А когда таких подзаголовков сотни? Вообразите, что творится в голове читателя по прочтении всего романа. Какая там заваривается каша? Как, когда ему в ней разбираться? Невозможно, совершенно невозможно ему, бедному, в ней разобраться. Но не потому невозможно, что роман огромен. Это ничего, ведь и вселенная огромна, однако разбираются в ней (и небезуспешно) учёные. Разобраться в творчестве Достоевского невозможно потому, что нет в нём того, что можно было бы разобрать и разложить по полочкам, т.е. нет смысла.

Была в советское время так называемая «Роман-газета», может, и сейчас есть, не знаю, дело не в ней, а в том, что «Бесов» я бы назвал романом-телевизором, потому что действует он на читателя точно так, как действует телевизор – сбить, ошеломить, раздавить и обесмыслить. Вылить яркий поток информации, ни дав при этом ни понимания, ни света.

Между демоном и скотом

Какова же причина умственной неразберихи, разлитой по страницам не только «Бесов», но многих и многих литературных произведений? Евангельский ответ на этот вопрос прост, но прежде чем его привести, соберём примеры такой неразберихи из числа тех, что уже упоминались нами, и ещё раз на них полюбуемся.

Это признание «Дмитрия Карамазова». Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Чорт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, - знал ты эту тайну иль нет?

Это речь «Шатова» к «Ставрогину». Правда ли, будто вы уверяли, что не знаете различия в красоте между какою-нибудь сладострастной, зверскою штукой и каким угодно подвигом, хотя бы даже жертвой жизнью для человечества? Правда ли, что вы в обоих полюсах нашли совпадение красоты, одинаковость наслаждения? /.../ Я тоже не знаю, почему зло скверно, а добро прекрасно, но я знаю, почему ощущение этого различия стирается и теряется у таких господ как Ставрогины, - не отставал весь дрожавший Шатов, - знаете ли, почему вы тогда женились, так позорно и подло? Именно потому, что тут позор и бессмыслица

доходили до гениальности! О, вы не бродите с краю, а смело летите вниз головой. Вы женились по страсти к мучительству, по страсти к угрызениям совести, по сладострастию нравственному. Тут был нервный надрыв... Вызов здравому смыслу был уж слишком прельстителен! Ставрогин и плюгавая, скудоумная, нищая хромоножка! Когда вы прикусили ухо губернатору, чувствовали вы сладострастие? Чувствовали? Праздный, шатающийся барченок, чувствовали?

К подобным образцам умственно-нравственной путаницы может быть отнесена поэзия С.Есенина, потому что в ней встречаются как такие строки: «Господи, я верую!.. \ Но введи в свой рай \ Дождевыми стрелами \ Мой пронзённый край», так и такие строки: «Если кликнет рать святая: \ «Кинь ты Русь, живи в раю!» \ Я скажу: «Не надо рая, \ Дайте родину мою».

Вот перлы душевной сумятицы, выплеснувшейся в рифмах и без рифм на страницы художественных произведений. Вот примеры из русской классики, в которых говорится о совпадении «красоты» «в обоих полюсах жизни»: в целомудрии и извращённости, в благородстве и подлости, в вере и безверии.

Мне могут сказать, что такова вся литература, поскольку способ её существования – одинаково увлекательно описывать как добродетель, так и злодейство, чтобы в столкновении их высекать искры катарсического света, хвалящие добро и клеймящие зло; и что, чем неоднозначнее характеры персонажей, тем психологически глубже оказывается художественное произведение.

Так ведь и я говорю о том же, что, чем запутанней, тем литературней, а над праведностью и нечестием, чистотой и развратом, верой и неверием высится одно – красное словцо. Поэтический пример из Есенина, подтверждающий мои слова о том, что в литературе важно не то, что говорится, а важно то, *как* говорится, может, не столь яркое, как прозаические примеры, зато он близок к ним по своим итогам. Каким именно? Карамазов на каторге или в Америке, Ставрогин повесился, Шатов убит, Есенин... Смерть Есенина темна. Повесился? Убит? Бог весть. Поэтому скажем, что кончина его обретается между финалами Ставрогина и Шатова.

Но где причина этой душевной неразберихи? Может ли её отыскать писатель? Может ли литература указать выход из неё? Нет, не может, потому что никогда и ни в чём литература не разбиралась и разобраться не могла, и писатель, как бы глубоко он ни осмысливал жизнь, никогда не смотрел на неё правильно. Литература есть выражение того, что происходит в душе автора. Разбираться же в самом себе с помощью самого себя это всё равно, что вытаскивать себя за волосы из болота, это всё равно, что шатовской свечой освещать лестницу под ногами Ставрогина.

Чтобы осветить землю, нужны не костры и фонари, но – солнце. Чтобы осветить душевные потёмки, нужен иной, недушевный источник света. Духовным солнцем, т.е. неземным источником света для ищущих истинного разумения жизни является Христово Евангелие. Какую же причину умственной путаницы писателей и их литературных героев открывает нам Евангелие? *И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму.* Или по-церковнославянски: *И якоже не искусиша имети Бога в разуме, сего ради предаде я Бог в неискусен ум* (Рим.1:28). Выражение *предал их Бог* надо понимать, конечно, как Бог попустил. Но почему Бог попустил писателям и их героям думать, говорить и поступать нечестиво? Потому что *они не заботились иметь Бога в разуме.*

Святитель Иоанн Златоуст так толкует эти слова Апостола: «...не сказал [Апостол Павел]: так как не уразумели, но говорит: *якоже не искусиша имети Бога в разуме*, показывая, что грехи их происходили преимущественно от развращённого рассудка и любви к словопрениям (*), а не случайного восприятия, - были грехами не плоти, как утверждают некоторые

еретики, но ума и порочного желания, и что источник всех зол заключается именно здесь. Так как ум их сделался превратным, то всё, наконец, пришло в беспорядок и смятение, когда руководитель оказался повреждённым» (т.9, с.545).

И другой пример толкования Апостольских слов мне хочется привести. Это пример опытного, т.е. проверенного жизнью толкования. «Диокл начал свое образование грамматикою, потом посвятил себя философии, и наконец благодать привлекла его к любомудрию небесному. На 28-м году жизни, оставив мирские науки, он предался небесному учению Христову, и вот уже 35-й год живёт в пещерах. Он говорил нам:

- Ум, переставши созерцать Бога мыслью, становится или демоном, или скотом.

Когда мы стали расспрашивать, как это бывает, он сказал:

- Ум человека, как скоро удаляется от созерцания Бога, по необходимости впадает во власть или демона похоти, который увлекает его к распутству, или злого духа раздражительности, от которого рождаются безумные порывы.

Сладострастное вожделение называл он свойством скотским, а порыв раздражительности – демонским. Я возразил ему:

- Как возможно, чтобы ум человека непрестанно был с Богом?

- В каждой мысли и в каждом деле, - отвечал он, - участвует душа, но с Богом бывает она только тогда, когда благочестиво и благоговейно размышляет о Нем». (**)

(*) Один из читателей подчеркнул в цитате из Златоуста слова «развращённого рассудка и любви к словопрениям», давая автору понять, что они могут быть отнесены к нему более, чем к Ф.М.Достоевскому. Что на это подчёркивание ответил автор? По части словопрения ходоку «В Зосимину пустынь» до собраний сочинений Достоевского, один Дневник которого есть сплошное словопрение, как до Китая ползком. А про рассудок я уже говорил перед подзаголовком «Мифы Древней России», что он у меня немного не того. Тогда читатель продолжил дискуссию и сказал: «Рассудок каждого человека развращён, т.е. помрачён и не очищен до конца даже у подвижников благочестия. Очищается же он полностью, когда корень, то бишь сердце становится свято. Но это – венец жизни». Тогда автор ответил: «Ну, так зачем упрекать больных их болезнью? Вы скажете, зачем же я упрекаю писателя Достоевского? Затем, что писательскую болезнь и слепоту российских писателей принято считать здоровьем и зрячестью. Это заблуждение давно уже пора оставить».

(**) Палладий, епископ Еленопольский. Лавсаик. Глава 82. О Диокле.

Что такое пребывание души с Богом, о котором говорит преподобный Диокл? Это и есть её спасение. Значит, благочестивое и благоговейное размышление о Боге (т.е. то, что Апостол называет: *иметь Бога в разуме*), это и есть неременное условие спасения человеческой души. В повествовании о преподобном Диокле дан ответ не только на вопрос о спасении, но и на терзавший Ф.М.Достоевского вопрос о назначении русском. Напомню его читателям. «...а мы начнем теперь, когда пришло время, именно с того, что станем всем слугами, для всеобщего примирения. И это вовсе не позорно, напротив, в этом величие наше, потому что всё это ведет к окончательному единению человечества. Кто хочет быть выше всех в царствии божием - стань всем слугой. Вот как я понимаю русское предназначение *в его идеале*». (Курсив Достоевского, - Г.С.).

Ну, зачем мне, рускому человеку, единение человечества и тем более окончательное его единение? Я уже не говорю о том, что единение это будет, действительно, окончательным: провидец Достоевский, может, не видел того, что сейчас очевидно всякому, что единение человечества, к которому он всех звал, и которое не давало ему покоя, будет последним

событием земной истории, после которого начнётся неземная история человечества. Но какое мне дело до какого бы то ни было человечества, соединённого или разъединённого, земного или неземного? Мой идеал – спасение. Идеал каждого православного человека, не только русского – спасение. Разве не так?

Так да не так, говорит Федор Михайлович. Чтобы спастись, ты должен стать слугой, и все мы должны стать слугами. В этом русское предназначение. А чтобы нам легче было стать для всех слугами, для этого Константинополь должен быть наш. Bravo! Логика восхитительная! С нашими писателями, легко согласующими несогласуемое, не соскучишься. Впрочем, ничего удивительного в непоследовательной логике великих писателей нет. Два пути указал преподобный Диокл для удалившейся от созерцания Бога мысли: либо сладострастное вожделение, либо порыв раздражительности; либо Ставрогин, либо Шатов; либо аполлонизм, либо коммунизм. Между демоном и скотом идёт человек к Богу, держась за поручи благочестивого размышления о Нем. Но стоит ему только выпустить из рук поручи, как оба «либо» сойдутся в одном конце – вечной гибели. Шатов убит, и это его счастье. Иначе, он бы сам убивал, а потом повесился бы, как Ставрогин. Разве нет?

Не трудно представить, что было бы с российской жизнью, если бы она направилась, куда её толкал Достоевский, – в Константинополь. Был бы советский пожар в Константинополе. Впрочем, не стоит гадать о том, что было бы, потому что Бог, *Иже всем человеком хощет спастися, и в разум истины прийти* (1Тим.2:4), устроил для российской жизни, увлечённой злым духом раздражительности, самое спасительное продолжение.

Выше мы сказали, что в художественной неразберихе «Бесов» нет смысла. Но это для читателей его там нет, а для бесов, которые в смешении полюсов находят особый восторг, «алогия» – самый главный смысл. В мутной воде смешения всех понятий они любую, самую бредовую идею представят великой и спасительной. Ведь предложил же Шатов понести Ставрогину знамя «народа-богоносца». Т.е. висельнику, на чьей шее верёвку увидел даже Тихон (*), Шатов протягивал знамя русского народа. Таковы бесы. Их интересуют все идеи и все идеалы. Они готовы рассуждать о них веками. Но самая дорогая для них идея и самый великий их идеал это – самоубийство.

(*) Этот Тихон тот ещё «архиерей Тихон». На вопрос Ставрогина: верит ли он так, что может горы передвигать, он не ответил Господним ответом: *не искушай Господа Бога твоего* (Мф.4:7), но сказал: сдвину, если Бог повелит. «В Бога веруете? - брякнул вдруг Николай Всеволодович. - Верую. - Ведь сказано, если веруешь и прикажешь горе сдвинуться, то она сдвинется... впрочем извините меня за вздор. Однако я всё-таки хочу полюбопытствовать: сдвинете вы гору или нет? - Бог повелит и сдвину, - тихо и сдержанно произнес Тихон, начиная опять опускать глаза». Просто диву даёшься, как мог Достоевский вложить такой ответ в уста православного архиерея. Далее Ставрогин говорит: «Ну, это всё равно, что сам Бог сдвинет». Что он хочет этим сказать? Сперва он спрашивает такой веры, чтобы она горы переставляла. Теперь разочаровывается, когда слышит, что такая вера возможна. Чего же он хочет от Тихона? Чтобы была вера, а Бога не было? Но ведь это бред или коммунизм. Далее Ставрогин спрашивает: «Нет, вы, вы, в награду за вашу веру в Бога?» Т.е., как я понял, Ставрогин хочет узнать, может ли Бог наградить человека даром передвижения гор? И «архиерей Тихон» вместо того, чтобы сказать, что за награду только католики веруют, и что не пристало православному христианину просить от Бога дарований, отвечает: «Может быть и не сдвину». Далее разговор начинает вертеться вокруг этого «может быть». Короче, вот вам, читатель, пример работы романа-телевизора. Восемь

предложений, и ни одного осмысленного слова. О чём говорят персонажи? Что хочет выразить Достоевский их безтолковыми вопросами и безтолковыми ответами? Я думаю, что он сам не понимал, что он писал, и не вполне понимал, на чью мельницу он лил свою словесную воду.

В январе тридцать седьмого года

Вернёмся к словам Апостола. *И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму - делать непотребства, так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы. Они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти; однако не только их делают, но и делающих одобряют.* (Рим.1:28-32).

Мы цитировали эти слова по частям, причём, часть, в которой перечислены страсти, отнесли к бесам. Теперь соединим обе части и исправимся: перечисленные Апостолом грехи относятся к людям. Апостол говорит не о бесах, но о людях, и тем страшнее звучат его слова: *они знают праведный суд Божий, что делающие такие дела достойны смерти.*

То, что бесы знают о грядущем Божиим суде, известно из слов Апостола Иакова: *и бесы веруют, и трепещут* (Иак.2:19). Но, выходит, что и люди знают, *что делающие такие дела достойны смерти.* Так чего же они хотят? Какого Божьего оправдания просят себе нераскаянные грешники? Какого понимания и сочувствия к себе требуют педерасты, зная, *что делающие такие дела достойны смерти?* Но почему мне вдруг вспомнились педерасты? Потому что в предыдущих стихах послания к Римлянам речь идёт именно о них (см.Рим.1:26,27).

Святитель Иоанн Златоуст даёт такое толкование на Рим.1:32. «Предположив два возражения, он предварительно разрешил здесь их оба. Может быть, ты скажешь, говорит он [Апостол], что ты не знал, как должно тебе поступать. Хорошо; если и не знал, то виновен ты, оставивший Бога, дающего тебе знание. Но теперь мы, на основании многого, доказали, что ты знал и грешил добровольно. Но ты, скажешь, увлекался страстью? Зачем же содействуешь другим и хвалишь? *Не только их делают, говорит апостол, но и делающих одобряют.* Таким образом, чтобы обличить язычника, апостол прежде всего ставит на вид самый тяжкий и неизвинительный грех, потому что одобряющий грех гораздо хуже самого согрешившего».

Последняя мысль Златоуста достойна восклицательного знака. Повторим её. Если болящий страстью грешник вправе рассчитывать на снисхождение, как справедливо ждёт себе сочувствия от здоровых людей всякий больной, то незаражённый страстью и в то же время покрывающий и одобряющий её достоин большего наказания в сравнении с грешником. Эта очевидная для Святителя мысль, для нас, увы, уже неочевидна. Мы живём по поговорке: «Не пойман – не вор». Но у Бога, испытующего *сердца и утробы праведно* (Пс.7:10), нет непойманных воров.

Осуждал или одобрял писатель Достоевский Ставрогина, Верховенских и прочих «Бесов»? На счёт прочих не скажу, зато Ставрогин – самый милый парень. Как он страдает, как тяжело несёт свой крест («ставро~~с~~»), как мучительно ищет искупления. Тьфу, фигуральное, конечно.

«Не плюйтесь, батюшка, даже фигурально - скажет читатель. - Литературные герои часто выходят из-под пера не такими, как их задумывали писатели, но нравственно лучшими или худшими. Достоевский, конечно же, осуждал Ставрогина, но хотел понять и помочь ему».

Значит, осуждал? Да, конечно, осуждал. И только потому, что Достоевский осуждал своего героя, он читал широкой публике сцены из Ставрогина, которые отказался напечатать М.Н.Катков. Т.е. для того только, чтобы привлечь общественность к осуждению Ставрогина Достоевский читает ей сцены растления и самоубийства девочки Матрёши. И публика, конечно, только и делала, что осуждала злодея, когда с интересом слушала их. Напомню, что глава с этими сценами носит название «У Тихона». Читатель, вы ничего не слышите в этом названии?

«Намёк на святителя Тихона Задонского?» - скажет читатель.

Если вы первым делом вспоминаете святого человека, значит, у вас чистая душа. А я глумление (*) слышу в этом названии. Сказать какое? Непотребные сцены ставрогинского разврата заключены Достоевским в художественную раму архиерейской келии, и вся картина названа им «У Тихона». Не «Признание Ставрогина», не «Рукопись Ставрогина», не «Визит к Тихону», но «У Тихона», т.е. чуть ли не «С Тихоном».

(*) Всё творчество Достоевского я бы назвал глумлением. Но не спешите набрасываться на меня с кулаками, читатель. Выслушайте объяснения. Дело том, что я беру значение этого слова не в современном его значении («насмехаться, издеваться»), но по Псалтырю. Например, в 76-ом Псалме оно сообщает 13-му стиху самое возвышенное звучание: *поучуся во всех делех Твоих, и в начинаниях Твоих поглумлюся*, что значит «размышлять буду». Такое же значение оно имеет и в 118-м Псалме: *В заповедех Твоих поглумлюся, и уразумею пути Твоя* (ст.15). Смотри также 23, 27, 48, 78 стихи этого Псалма, чтобы убедиться в значении «глумления» как размышления. Но в 85-м стихе оно имеет уже иной смысловой оттенок: *Поведаша мне законопреступницы глумления, но не яко закон Твой Господи* (Пс.118:85). В переводе П.Юнгерова: поведали мне законопреступницы (свои) рассуждения, но это – не закон Твой, Господи. В том именно смысле творчество Достоевского может быть названо глумлением, что его размышления («глумления») это всего лишь размышления, а не закон Божий.

«Но для исповеди, - скажете вы, - самое подходящее место либо келия, либо церковь. И потому ставрогинская исповедь просто обязана была быть обрамлена святой рамкой».

А я вам скажу, что прочитанные Тихоном листки под названием «От Ставрогина» это не исповедь, но похабное издание. По меркам 19-го века, разумеется. И всенародно давать их в руки архиерею, значит, попросту говоря, подставлять его. И называть при этом главу «У Тихона», это все равно, что фотографировать архиерея за рассматриванием развратного журнала, это всё равно, что делать архиерея соучастником nepотребства.

«Но, - скажет читатель, - никакого архиерея на самом деле нет. Тихон выдуман Достоевским, и потому состава преступления, которое вы хотите навязать писателю, нет».

Неужели потому, что Тихона нет, то нет и преступления? Нет, скажу я вам. Именно потому, что Тихон выдуман Достоевским, ответственность за все дела и слова «архиерея Тихона» ложится на писателя Достоевского. Одобрение греха заслуживает большего наказания, чем самый грех – такова мысль святителя Иоанна Златоуста. Следуя ей, мы

должны назвать писателя, который хотя бы в незначительной мере одобряет грешника (*), самым страшным греховодником, потому что он не только собирает на свою голову наказание, *большее* в сравнении с наказанием действительного грешника, но и читателей готовит разделить это наказание. А если он к тому же церковное лицо в соучастники вовлекает?

Подойдём к вопросу о литературе с другой стороны. Всякое праздное, всякое скверное, всякое безбожное слово есть грех. *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим* (Еф.4:29). Вот какой должна быть настоящая литература! (**). Но, скажете вы, такую литературу читают неохотно. Так ведь и я о том же говорю, что слово Достоевского не имело бы широкого распространения в предреволюционной России, если бы оно *доставляло благодать слушающим*. (***) Так ведь и я говорю, что не читал бы сочинений Достоевского с увлечением, если бы они не имели в себе духовных червоточин, как об этом говорит пророк: *мужа неправедна злая уловят во истление* (Пс.139:12). В переводе П.Юнгерова: неправедного мужа зло уловит в погибель.

Чтобы книги несли благодать, в них должны быть представлены благодатные образы. Как это сделать? Например, если бы Достоевский, задался целью написать благодатный образ архиерея, то лучшее, что бы он мог придумать, это во всякую речь архиерея вставлять цитаты из Священного Писания. (****) И это был бы самый благодатный образ Достоевского. «И самый скучный», - скажете вы. Я с вами не спорю. Но и вы согласитесь со мной, что литература Достоевского занимается тем, что ищет последнюю спасительную черту и приближает расплату. За что? За оскорбление, о котором говорится в процитированном нами послании к Ефесянам: *И не оскорбляйте Святого Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления* (Еф.4:30). Какая же бывает расплата за оскорбление Духа Божия? Для ответа на вопрос о том, как наказываются пустословы и сквернословы, предлагаю, чтобы не скучать, оседлать Пегаса (*****), т.е. перейти от прозы к поэзии.

(*) «Где писатель одобряет грешника?» - спросили автора. Как где? Да уже тем одобряет, что подробнейшим образом описывает его похождения.

(**) «Дайте нам пример такой литературы!» - воскликнули читатели. Так вот же он – Жития святых.

(***) В воспоминаниях митрополита Вениамина (Федченкова) можно прочитать, что во время его учёбы в семинарии писатель Л.Н. Толстой «считался запрещённым для чтения, равно как и Достоевский, и все новейшие писатели» («На рубеже двух эпох», глава «Две революции»). Другой священнослужитель, С.Н. Дурылин вспоминает, как и почему его отец сжёг в печке «Братьев Карамазовых». «Несомненно для меня, что и «легенда о великом инквизиторе», и беседа Ивана с ч... должны были казаться отцу недопустимым вольномыслием около величайшей святости – около Спаса Христа. И ещё несомненное, что образ растленного «родителя» Федора Павловича Карамазова, заражающего развратом все и всех вокруг себя, должен был казаться отцу, строгому семьянину, с чистой совестью выполняющему обязанности отцовства, образом, сеющим соблазн и колеблющим уважение к отцовству. /.../ Сжигая роман Достоевского, он карал прежде всего отвратительного Федора Павловича, осуждал распутство и безверие в его сыновьях, карал, мне кажется теперь, «карамазовщину», боясь её для своих детей и оберегая от неё свою семью» («Русь прикровенная»).

(****) «Что же по-вашему? Превращать архиерея в новоначального начетчика? Настоящий архиерей приходит к святой простоте», - заметили автору читатели. Но автор говорит не об архиерее, а об образе архиерея. Что скажет настоящий архиерей в той или иной ситуации – это знает только архиерей. Ф.М.Достоевский за архиерея не должен и не имеет права говорить! А если сочинителю всё же хочется что-то сказать за архиерея, то, чтобы не ошибиться и не понести греха, он должен привести либо подлинные слова архиерея, либо слова, в святости которых нет сомнений, т.е. слова Священного Писания.

(*****) Слова «пегас» и «ставропигиальный» – однокоренные слова, потому что происходят от греческого «пиги» - источник, начало, причина.

Здравствуй, Пушкин! Просто страшно это -
словно дверь в другую жизнь открыть -
мне с тобой, поэтом всех поэтов,
бедными стихами говорить.

Быстрый, шаг и взгляд прямой и быстрый -
жжет мне сердце Пушкин той поры:
визг полозьев, песни декабристов,
ямбы ссыльных, сказки детворы.

В январе тридцать седьмого года
прямо с окровавленной земли
подняли тебя мы всем народом,
бережно, как сына, понесли.

Мы несли тебя - любовь и горе -
долго и бесшумно, как во сне,
не к жене и не к дворцовой своре -
к новой жизни, к будущей стране.

Прямо в очи тихо заглянули,
окужили нежностью своей,
сами, сами вытащили пулю
и стояли сами у дверей.

Мы твоих убийц не позабыли:
в зимний день, под заревом небес,
мы царю России возвратили
пулю, что послал в тебя Дантес.

Вся Отчизна в праздничном цветенье.
Словно песня, льется вешний свет,
Здравствуй, Пушкин! Здравствуй, добрый гений!
С днем рождения, дорогой поэт!

Что? Неужели опять? Здравствуй, Пушкин? Дорогой поэт? Мы же попрощались, и опять здравствуй? Но, может, потому мы вынуждены вновь здороваться с Пушкиным, что прощались без прощения? И, может, потому приветствуем его вновь стихами Ярослава Смелякова, чтобы расстаться уже по-крестьянски – с прощением? (*) Итак,

(*) Слово «прощение» А.С.Шишков производит от корня «прост». Простить, пишет он, значит, опростать, освободить себя от некой мысленной связи, которая возникает между обиженным и обидчиком. Прощение означает освобождение от этой невещественной цепи. По образцу толкования Шишкова, мы бы изъяснили и слово «прощание». Попрощаться, значит, опростаться друг от друга. Один читатель заметил автору, что шишковское толкование слова «прощение» расходится с христианским толкованием. «В чём суть Прощеного воскресения? - спрашивает этот читатель и отвечает. - Разве не в том, что прощающий распинает свою самость, покрывает свои эгоистические обиды любовью к обидчику, говорит себе, что прав не я, а другой? В прощении по-христиански виден Крест, акт самоотречения». Прекрасное объяснение, читатель. Но разве противоречит оно шишковскому толкованию? Разве «покрыть свои эгоистические обиды любовью к обидчику» не значит освободиться от злых мыслей на обидчика или опростаться от удерживаемого на него зла? Но, может, причина вашего неприятия шишковского толкования лежит в другом? Может, вам слово «опростаться» не нравится? Может, оно звучит слишком натуралистично, как и слово «живот»? В словаре Ушакова сказано: «Опростаться (простореч.). 1. Опорожниться, стать пустым. Корзинка из-под ягод опросталась. 2. Испражняясь, освободить свой желудок, кишечник». Действительно, слово «опростаться» чересчур физиологично звучит. Но, дорогой читатель, все слова хороши, если ими верно пользоваться. Хотите, мы указанные в словаре Ушакова смыслы слова «опростаться» к делу привлечём? Всем верующим известен церковный возглас: «Премудрость, прости», которым мы призываемся стать на ноги просто, прямо, не расслабляясь. Да, возглас известен, но не вполне понятно, почему слово «прости» поставлено здесь. Стоящее на месте «прости» греческое слово «орфи» («прямо, правильно, верно»: ортодоксия, орфография, ортопедия...) даже более понятно, чем славянское «прости». Кажется, при чём здесь «прости», когда нам велят встать на ноги прямо и бдительно? Дело том, что слово «прост» в древнерусском языке означает «прямизну, прямой путь вместо кривой луки» (прот.Дьяченко), и в этом значении оказывается самым уместным в нашем возгласе словом. Но, чтобы разнообразить толкование, подойдём к слову «прости» со стороны слова «опростаться». Это тем более нужно сделать, что родство данных слов очевидно. Что теперь мы слышим в нашем возгласе «Премудрость, прости»? Разве не слышим мы в нём призыва опростать свой ум от суетных мечтаний, мешающих слышанию слова Божия? Разве не даётся нам в нём приглашение освободить голову от тяготящих её мыслей, опростать от лукавства и поднять горе?

Здравствуй, Пушкин! Просто страшно это -
словно дверь в другую жизнь открыть -

Крестьянам, действительно, страшно эту дверь открывать, потому что они знают, что это не та дверь, которой кто войдёт, тот спасётся. Христиане знают слова Христовы: *Я дверь овцам. Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники* (Ин.10:7,8), и потому боятся открывать подозрительные двери, за которыми могут оказаться воры и разбойники. Но что страшно Смелякову, который Ин.10:7,8 не знал? Ведь Пушкин именно для него, для Смелякова жил и писал. Почему страшно общаться с тем, кто для тебя

трудился? Бедные стихи показывать страшно? Нет, стихи хорошие, искренние. И звучат выразительно, особенно визжащий «визг полозьев»:

визг полозьев, песни декабристов,
ямбы ссыльных, сказки детворы.

Общеизвестно, что хотя сам А.С.Пушкин не участвовал в вооружённом восстании, зато всецело ему сочувствовал (((и одобрял восставших))). Из этого факта следует одно из двух. Либо Пушкин заслуживает наказания *большого*, чем декабристы. Либо Златоуст не прав.

В январе тридцать седьмого года. Зачем сохранён старый стиль? Чтобы не прочитывался новый? Неужели, чтобы кто-либо не вздумал отыскивать за цифрой «37» намёки на современность, Смеляков берёт дату дуэли Пушкина по старому стилю? Или же, напротив, желая привлечь внимание к этой цифре, он, чтобы она не слишком бросалась в глаза, маскирует её старым стилем? Скорее всего, ни то и ни другое. Скорее всего, для Я.В.Смелякова, умершего в 1972 году, цифра 1937 не имела такого значения, какое она приобрела для нас, живущих в 21-ом веке. Для Смелякова всё просто: в 1837 году Пушкин был убит в январе, а не феврале. Но не всё так просто для нас, чтобы не обратить нам внимания на схожесть этих цифр: 1837 и 1937.

Дух бурен часть чаши их

В ряду приснопамятных советских лет 1937 год стоит особо. Под натиском СМИ в современном общественном сознании утвердилось мнение, что почти вся кровь сталинского террора была пролита именно в этот год. Ночные «воронки» и аресты, расстрелы и тюрьмы, незаконные судьи и невинные жертвы, в общем, всё самое страшное случилось в 1937-ом. Как будто не было прежде него ни беспощадной гражданской войны, ни голода, ни разорённого дотла крестьянства. Кратко сказать, этот год стал жупелом.

Обратившись к словарям, я с удивлением обнаружил, что они совершенно по-разному толкуют слово «жупел». Так, в словаре С.И.Ожегова говорится: «Жупел – нечто внушающее страх, ужас, отвращение; то, чем пугают», и более ничего не сказано. В.И.Даль толкует «жупел» иначе: «Горячая сера, горящая смола, жар и смрад», и тоже более ничего не говорит. Такое впечатление, будто два разных жупела существуют в русском языке. Но почему то, что известно одному, не известно другому толкователю?

Потому что мир перевернулся, и быль стала сказкой, а сказка былью. Слово Божие – Псалтырь стала для строителей нового мира сказкой. *Одождит на грешники сети, огонь и жупел, и дух бурен, часть чаши их* (Пс.10:6). Эти слова к 1949 году, т.е. к году выхода словаря Ожегова, стали сказкой. Зато бесовские сказки стали былью. *Но для слова Божия нет уз* (2Тим.2:9), и пытающиеся связать или отвергнуть слово Божие, лишь подтверждают его истинность самым точным образом, т.е. доказывают, что часть чаши грешников - *сети, огонь и жупел, и дух бурен*.

«Загадка 1937 года». Так называется глава из книги В.В.Кожина «История России. 20-й век», в которой он пишет, что трагичность 1937 года сильно преувеличена, поскольку «в 1934-1938 годах погибло примерно в 30 (!) раз меньше людей, чем в 1918-1922 годах». Основные народные жертвы были принесены революции в первые её годы, а в 37-м расстреливали самих расстрельщиков. Всё это убедительно и очень хорошо написано Вадимом Валерьяновичем. Также убедительно объяснено им и то, почему для средств массовой информации этот год стал «чёрным годом» советской истории. И можно было бы

согласиться с его доводами, если бы среди дат мученических кончин церковно-священно-служителей не выделялся тот же, 1937 год.

Чем же этот факт расходится с мыслью Кожина? Тем, что, следуя ей, нужно сделать вывод, что священники были повинны в революции не менее революционеров, поскольку и они были репрессированы преимущественно в 1934-1938 годах. Но какое, спрашивается, отношение к устройению революции имели священники? Впрочем, мы отвлеклись от стихов.

Мы несли тебя - любовь и горе -
долго и бесшумно, как во сне,
не к жене и не к дворцовой своре -
к новой жизни, к будущей стране.

Непонятно, почему они несли Пушкина «долго и бесшумно, как во сне»? Может, потому, что были удручены горем? «К новой жизни, к будущей стране» - это как вам угодно, но к венчанной жене вы обязаны были принести мужа. Да и к царскому двору, при котором служил Пушкин, тоже нужно было его поднести. Впрочем, если верить пушкиноведам, двор не хотел принимать тело поэта.

Мы твоих убийц не позабыли:
в зимний день, под заревом небес,
мы царю России возвратили
пулю, что послал в тебя Дантес.

Собственно, ради этих строк мы прочли всё стихотворение. Они честно сказаны. В них произнесено то, что боятся признать многие (тот же И.А.Ильин, никак не могу успокоиться от лжи этого «монархиста»), но что, если думать о том до конца, нельзя не признать правдой: российский самодержец был убит поэзией Пушкина. Во всяком случае, и поэзией Пушкина в значительной мере.

Вот вам и товарищ Смеляков. Смело сказал то, что бояться сказать господу. Но вот вам и Пушкин. Чем больше о нём думаешь, тем меньше хочется о нём думать и вспоминать. И как нам с ним по-христиански, с прощением попрощаться? Но где доказательства? Где свидетели? Где улики, говорящие о причастности Пушкина к цареубийству? И наконец: а судьи кто?

Доказательства? Все советские годы от 1917 даже и до ныне.

Свидетели? В качестве таковых можно пригласить всех, кто помнит эти стихи из школьной программы: «Товарищ, верь: взойдет она, \ Звезда пленительного счастья, \ Россия вспрянет ото сна, \ И на обломках самовластья \ Напишут наши имена!» «Звезда пленительного счастья». Потрясающая строка, отмечающая все сомнения в провидческом даре Пушкина. Именно звезда (красная), именно пленительного (режимного), именно счастья (безбожного счастья) взошла в 1917 году над обломками самовластья. Впрочем, мы не сомневаемся в гениальных способностях поэта, мы только сомневаемся, от Бога ли они?

А судьи кто? Судьи, подобные судьям 37-го года, всегда готовы.

Какому же царю России была возвращена пушкинская пуля? Александру II Николаевичу? Или Николаю II Александровичу? Первый был убит менее чем через год после открытия памятника Пушкину, но не пулей, а бомбой. Второй убит пулей, но не «под заревом небес», а в подвале. Первый – весной, второй – летом, значит, «зимний день» ни к какому убийству не подходит. Или не отдельному царю, но, так сказать, соборному царю была возвращена пушкинская пуля? Царю как принципу власти?

Но почему с Пушкиным не хотели служить монарху? Почему же тогда с ним служили тирану? Как так вышло, что с Пушкиным разрушили великое государство, но с ним же

построили великую тиранию? Это загадка не только 1937 года, это загадка всей российской истории. Но вернёмся к стихотворению. После строк о смерти Пушкина и о пуле в царя читаем в нём следующее:

Вся Отчизна в праздничном цветенье.
Словно песня, льется вешний свет,
Здравствуй, Пушкин! Здравствуй, добрый гений!
С днем рожденья, дорогой поэт!

Уместно ли поздравлением «с днём рождения!» завершать рассказ о смерти? Впрочем, стихотворная мысль потому так повернулась, что искала себе закругления. Стихотворение началось заздравницей и закончилось ей. Но такой ход мысли: от смерти – к жизни возвышается над обычным порядком вещей и похож на исповедание веры. Действительно, смеляковское стихотворение «Здравствуй, Пушкин!» я бы назвал исповеданием веры, которая утверждается на поэзии Пушкина, как на мученических мощах, однако самую эту веру я бы назвал – ослеплением, наваждением и обманом. Не одного только Смелякова постигшим, но всю отчизну, которая пребывает в радостном ослепленье.

После слов о пули в царя ни боли, ни горечи, ни сожаления, ни капли понимания того, что пуля в кого бы то ни было, а тем более в царя, не может остаться ненаказанной, ничего этого нет, зато пишется строка: «Вся Отчизна в праздничном цветенье». Что это, как не ослепленье? Но чем оно вызвано? Чем или кем? Пушкинской поэзией, вернее, верой в неё. Но поскольку ложным было основание веры, постольку увенчалась она не торжеством и бессмертием, но страшной трагедией, разбитой жизнью и бессмысленной смертью. Впрочем, с выводами о жизни и смерти, бессмысленными они были или нет, мы погодим. Земная история ещё продолжается, и неизвестно, когда будет её конец.

Если же взглянуть на последнее четверостишие Я.Смелякова не ослеплёнными пушкинской поэзией глазами, но в живоносном свете Евангелия, то можно отредактировать его так:

Вся Отчизна встала стальным строем.
Словно жупел, льётся с неба страх.
Так на Пушкине мы тиранию строим,
Потому что с Богом не в ладах.

Мне кажется, Ярослав Васильевич простит нас за столь дерзкую правку его стихотворения. Мы перейдём с его поэзией в следующую главу, и там уже подробнее объяснимся, но прежде нужно закончить эту.

Как же закончить, как художественно закольцевать эту неисчерпаемую тему? Но какую тему? Какую тему нам надо завершить, если в одном этом подзаголовке просматриваются как минимум три необъятных темы? 1. 1837 и 1937, или смерть и воскресение Пушкина. 2. Революционная деятельность, точнее бездеятельность церкви. 3. Пушкин и тирания.

Мы уже говорили, что во всяком деле нужно держать перед глазами вопрос о смысле: зачем и для чего мы это делаем? Поэтому на вопрос о том, какую из заявленных тем нам следует выбрать для завершения, ответим вопросом: а зачем завершать? Зачем нам копаться в истории? Зачем ворошить прошлое? Зачем нам это нужно? Затем, чтобы знать, как нам жить дальше.

Листая недавно диск с литературой о Пушкине, я был привлечён названием «Певец империи и свободы». Хорошее название для статьи, подумалось мне. Заглянемте, читатель, что пишет в ней Г.П.Федотов (1886-1951), член РСДРП и сочинитель книг о русских святых?

Разбирать всю статью оставим желающим. На мой взгляд, это пример тех сочинений, о которых Апостол Петр сказал: *Это безводные источники, облака и мглы, гонимые бурей: им приготовлен мрак вечной тьмы. Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении. Обещают им свободу, будучи сами рабы тления; ибо, кто кем побежден, тот тому и раб* (2Пет.2:17-19). Рассмотрим последние слова статьи Федотова, её вывод.

«Пусть чаемый им [Пушкиным] синтез империи и свободы не осуществился - даже в его творчестве, еще менее в русской жизни; пусть Российская империя погибла, не решив этой пушкинской задачи. Она стоит и перед нами, как перед всеми будущими поколениями, теперь еще более трудная, чем когда-либо, но непреложная, неотвратимая. Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта, если не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой Империи крылатой свободой».

Вывод, что и говорить, потрясающий. Пусть Российская империя погибла... Пусть погибли миллионы людей, пусть. Пусть в беспощадной войне чуждых Руси идеалов с исконными её заветами уничтожена русская жизнь, зато стояла и стоит, как путеводная звезда, пушкинская задача над вновь воздвигаемой Империей, то бишь советской. От этой империи, как и от предыдущей, остались обломки, потому что «чаемый Пушкиным синтез империи и свободы не осуществился» и в ней, но пусть погибла и она. Пусть гибнут уже не тела, но души миллионов людей в телевизионно-информационном разврате, и чуждые идеалы вновь одолевают последних крестьян в гражданской войне, фронт которой проходит уже не по полям, но по русским жилищам, пусть гибнет всё и вся, лишь бы горела пушкинская звезда пленительного счастья, потому что «Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта».

Что значат последние слова Федотова? Это пожелание или заклинание? «Россия не будет жить...» Россия, ты слышишь? Тебе не жить, если ты не исполнишь завещания своего поэта. Так? «Россия не будет жить...» Точно, Россия умрёт, исполняя завещание своего поэта. Россия попросту сгинет, если не скинет пушкинской задачи со своих прошлых, настоящих и будущих поколений. Бесы, эти крылатые самоубийцы, жаждущие свободного прыжка в погибель, не успокоятся, пока не столкнут всех людей, соединённых идеалом общего спасения, в пропасть.

Что скажем в итоге? Какую тему из намеченных тем завершить? Завершим все. Если оскорбляющая Дух Божий телевизионная революция не будет прекращена затеявшими её революционерами, если церковь не противостанет сатане, и если пушкинская звезда непреложно и неотвратимо будет стоять над Россией, то придёт 2037-й год, который во столько раз будет страшнее 1937-го года, во сколько раз телевизор громче и пленительнее поёт песни об империи и свободе, чем пел их поэт Пушкин.